

ФИЛОСОФИЯ ГОСУДАРСТВА: ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

С. В. ВОРОБЬЕВА¹⁾, А. А. ЛЕГЧИЛИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Раскрываются философские основания происхождения государства в контексте цивилизационного развития. Для этого, во-первых, систематизированы концепции происхождения государства, выявлены факторы, отмеченные как решающие обстоятельства его образования. Во-вторых, обоснована, с одной стороны, зависимость происхождения государства от цивилизационного развития, с другой стороны, неизменность его цели: организация общества и управление им для его выживания и развития. В-третьих, показано, что каждая концепция формирует свой образ государства как самоорганизующегося общества. Вследствие этого в аналитической аргументации необходимо избегать негативных оценок этих концепций, указывающих, какие факторы образования государства в них не учтены, и делать акцент на позитивных оценках, принимая во внимание выявленные в них признаки и характеристики государственности. В-четвертых, очерчены границы построения объяснительных моделей происхождения и развития государства, которые обусловлены поиском ответов на вызовы времени. Общезначимыми стали модели демократического, правового и социального государств, отличающиеся своими основами, идеями, целями и признаками. В-пятых, эскизно представлена цивилизационная модель белорусской государственности в контексте внутренних (демократических, правовых и социальных аспектов государственности) и внешних геополитических факторов в условиях перехода к многополярному миру.

Ключевые слова: философия государства; концепции происхождения государства; цивилизационное развитие общества; демократическое государство; правовое государство; социальное государство; модель белорусской государственности.

PHILOSOPHY OF THE STATE: MAIN MODELS OF CIVILISATIONAL DEVELOPMENT

S. V. VOROBYOVA^a, A. A. LIAHCHYLIN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: S. V. Vorobyova (cherbourg@mail.ru)

Abstract. The article reveals the philosophical foundations of the origin of the state in the context of civilisational development. To this end, firstly, the concepts of the origin of the state are systematised, the factors marked as decisive circumstances of its formation are identified. Secondly, on the one hand, the dependence of the origin of the state on civilisational development is substantiated, on the other hand, the immutability of its goal: organisation and management of society for its

Образец цитирования:

Воробьева СВ, Легчилин АА. Философия государства: основные модели цивилизационного развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2025;4:32–46.
EDN: BCVNQG

For citation:

Vorobyova SV, Liahchylin AA. Philosophy of the state: main models of civilisational development. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2025;4:32–46. Russian.
EDN: BCVNQG

Авторы:

Светлана Викторовна Воробьева – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.
Анатолий Александрович Легчилин – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Authors:

Svetlana V. Vorobyova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
cherbourg@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2173-6418>
Anatoly A. Liahchylin, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
liahchylin@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-7644-9985>

survival and development. Thirdly, it is shown that each concept forms its own image of the state as a self-organising society. As a result, in the analytical argumentation it is necessary to avoid negative assessments of these concepts, indicating which factors of state formation are not taken into account in them, and to focus on positive assessments, taking into account the signs and characteristics of statehood identified in them. Fourthly, the boundaries of the construction of explanatory models of the origin and development of the state are outlined, which are conditioned by the search for answers to the challenges of the time. Models of democratic, legal and social states, differing in their foundations, ideas, goals and characteristics, have become generally significant. Fifthly, a draft civilisational model of Belarusian statehood is presented in the context of internal (democratic, legal and social aspects of statehood) and external geopolitical factors in the context of the transition to a multi-polar world.

Keywords: philosophy of the state; concepts of the origin of the state; civilisational development of society; democratic state; rule of law; social state; model of Belarusian statehood.

Введение

В условиях глобализации, экономических кризисов и социальных потрясений, разворота от однополярного к многополярному миру философия государства обрела особое значение. Для однополярного мира характерно физическое, экономическое, информационное, идеологическое и культурное проникновение наиболее развитых государств как субъектов глобализации в геополитическое пространство остальных государств, становящихся объектами глобализации и теряющих свою суверенность в решении актуальных для них проблем. Однако поворот к многополярному миру не только восстановил, но и усилил значение национальных государств, модифицировав саму глобализацию как форму геополитической экспансии. Изменяющиеся условия требуют нового философского подхода к пониманию и оценке роли национальных государств, каждое из которых в определенном аспекте может стать центром силы, инициатором новых отношений.

Интерес философии к проблеме государства обусловлен необходимостью его концептуального уточнения как объекта изучения для различных наук (например, истории, социологии, теории государства и права, политологии, экономики) с учетом вызовов времени. К таким вызовам можно отнести необходимость поиска оптимальных форм государственного устройства в условиях передела мира и геополитических трансформаций, которые связаны с образованием новых интеграционных пространств, усложняющих роль государств и требующих их переосмысления. Философский подход к государству в аналитическом аспекте сопряжен с моделированием сложных систем. Однако сам процесс моделирования предполагает упрощение, связанное с извлечением частей из целого, чтобы понять, каким образом они влияют на это целое.

В зависимости от онтологического первоначала в истории философии сложились два подхода к разработке концептуально-теоретических оснований государства – реалистический и номиналистический. С точки зрения реализма онтологическая первичность индивида невозможна (Платон, Аристотель, Г. Ф. В. Гегель и др.). Напротив, с точки зрения номи-

нализма индивид обладает онтологическим приоритетом по отношению к обществу (софисты, киники, Т. Гоббс, Дж. Локк и др.). В зависимости от метафорического образа идеи развития в философии сложились два методологических подхода к трактовке государства – формационный и цивилизационный. Если формационный подход восходит к понятию прогресса, олицетворяющему линейное движение к определенной цели, то цивилизационный подход считает это понятие бессмысленным, заменяя линейность пространственно-временными обстоятельствами.

Развитие цивилизаций определяется законом вызова и ответа, сформулированным А. Тойнби. Согласно ему историю нельзя сводить к линейной последовательности событий, а необходимо рассматривать как динамический процесс взаимодействия цивилизаций с вызовами, которые определяют их судьбу [1]. Вызовы (внешние и внутренние) заставляют цивилизации искать решения возникающих проблем, адаптируясь к новым условиям, что способствует их росту или, напротив, приводит к упадку в случае неудачных ответов. Таким образом, каждая цивилизация проходит свой путь развития, а не следует за другими в рамках общей схемы [2, с. 18–19]. Цивилизации, формируя культурные, политические и экономические ландшафты, влияют на ход мировой истории. Исходя из этого, в современном мире узловыми стали следующие вопросы. Если судьбу цивилизации определяют ответы на вызовы истории, то что определяет судьбу государства? Влияет ли государство на судьбу цивилизации? Какова идея государства в истории цивилизаций? Есть ли будущее у государства в контексте разнообразия культурных путей развития и сосуществования различных цивилизаций?

Поиск ответов на указанные и иные вопросы сопряжен с учетом некоторых методологических соображений, высказанных В. С. Стёпиным. Это прежде всего необходимость «при анализе современных изменений цивилизационного развития рассматривать глобальные цивилизационные изменения как сложную системную целостность» [3, с. 6]. В дополнение к этому следует учитывать специфику четвертой

глобальной научной революции, переориентировавшей исследования на программы по освоению исторически развивающихся систем, которые с течением времени формируют новые уровни организации, изменяя связи и композицию элементов предыдущих уровней [4, с. 19–20]. Научный интерес к таким саморазвивающимся системам обусловлен тем обстоятельством, что человеческие действия не являются внешними по отношению к ним, а входят в данные системы, трансформируя поле их воз-

можных состояний [4, с. 18–19]. Такая методология подразумевает установление границ необходимости и достаточности в соответствии с поставленными задачами, что обеспечивает определение параметров порядка в исследованиях и позволяет избегать избыточных или ненужных деталей.

Исходя из очерченного проблемного поля, ставится следующая цель: раскрыть философские основания происхождения государства в контексте цивилизационного развития.

Основная часть

Акцент в данном исследовании сделан прежде всего на философских основаниях теории происхождения государства, составляющих необходимые условия его появления, т. е. неотъемлемость существования в истории цивилизаций. Феномен цивилизации отражает самобытные способы организации общественного бытия, которые включают идеальнотипические представления о государстве как форме его организации. В качестве допущений мы полагаем наличие упрощенной субстратной модели государства, представляющей триединство власти, народа и территории, и моделей, не являющихся субстратными, так как они строятся исходя из аспектов, структур или функций государства.

Выявление особенностей цивилизационного подхода к государству предполагает прежде всего уточнение терминов, что позволяет сдерживать плюрализм в толковании. М. Вебер подчеркнул, что «научное понятие государства, как бы оно не было сформулировано, всегда является синтезом, который мы создаем для определенных целей познания» [5, с. 400]. Исходя из такой установки, философия государства зависит от исторического контекста и его пространственно-временных особенностей, следовательно, позволяет не только уточнить эпохи и географические места появления представлений о государстве, но и определить их уникальность, прагматику цели, познавательные функции. В связи с этим объектом философии государства в перспективе цивилизационного развития выступает политическая организация общества (государство) и социально-культурные аспекты его существования (цивилизация).

Если задавать вопросы, аналогичные вопросу М. Вебера: «Что в эмпирической действительности соответствует идее государства?», ответы будут разными, поскольку мы будем обнаруживать «бесконечное множество диффузных и дискретных действий и пассивных реакций, фактически и юридически упорядоченных связей, либо единичных по своему характеру, либо регулярно повторяющихся» [5, с. 399]. Подобная множественность детерминирована пространством цивилизации, которое В. Б. Устьянцев определил как форму социальной реальности, замкнутую историческим временем и от-

крытую внешней цивилизационной среде. Такая «открытость проявляется в миграциях, в военной и культурной экспансии, в непомерном желании сильных государств расширить жизненное пространство за счет территории других государств» [6, с. 88]. Эту мысль следует дополнить идеей И. А. Гобозова. Он определил цивилизацию как «такую стадию в развитии человечества, когда социальные связи начинают доминировать над природными и когда общество развивается и функционирует на своей собственной основе» [7, с. 167].

Как уже отмечалось, упрощенная субстратная модель государства представляет собой триединство власти, народа и территории. Модели, не являющиеся субстратными, строятся исходя из аспектов, структур или функций государства. Для снятия неопределенности в понимании государства обратимся к критическому анализу разработанных концепций и дадим им оценку с точки зрения их методологического значения для моделирования цивилизационного развития. Оценивая идеи, мы руководствуемся тем, что каждая из них присутствует в истории и проходит через нее в своих специфических формах, которые обусловлены именно особенностями человеческого бытия и цивилизации, а не уровнями их развития [8].

Исторически первыми концепциями происхождения государства стали патриархальные и патерналистские концепции, рассматривавшие в качестве его истока семью (например, Конфуций, Аристотель, Н. К. Михайловский, А. Волан). В них государство представлялось результатом естественного развития и расширения семьи, поэтому власть главы государства (монарха) уподоблялась власти отца-патриарха в семье. Значит, монарх должен заботиться о своих подданных, как отец заботится о членах семьи, а подданные должны беспрекословно подчиняться и уважать власть монарха. Однако следует принимать во внимание различия в аргументации, которые не всегда очевидны. Термин «патриархальность» происходит от слов «патер» (букв. отец) и «архе» (букв. начало, господство, власть) и указывает на принадлежность власти отцу и доминирование мужчин в целом. Термин «патернализм» обозначает систему отношений, где отец в фигуральном смысле

предстает в роли государства, лидера, организации, которые заботятся о «детях». При этом «отеческое попечительство» описывается в терминах силы, опытности, авторитетности, а «дети» описываются в терминах слабости и зависимости.

Аргументы патриархальной концепции раскрывали государство с помощью отличительных признаков семьи. Ее основоположником стал Аристотель, указавший, что государство «появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни, в целях совершенного и самодовлеющего существования», которое заключается «в счастливой и прекрасной жизни» [9, с. 461–462]. В связи с этим оно представляет собой «общение подобных друг другу людей с целью достижения возможно лучшей жизни» [9, с. 603]. Значит, государство как форма становления семьи является продуктом естественного развития. Эта же «природа» породила у всех людей стремление к государственному общению, благодаря которому человек и стал «существом политическим» [9, с. 378]. Вместе с тем Аристотель лишь развил идею Платона о том, что, «испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства» [10, с. 206]. В истории отсутствуют факты, которые подтверждали бы существование «отеческой» формы правления. По оценке В. К. Самигуллиной, концепция Аристотеля скорее утопична, хотя философ «хотел бы, чтобы такая форма правления сложилась» [11, с. 8].

Аргументы патернализма строились на прямой аналогии между государством и иерархическим устройством власти в семье. Иллюстрацией может служить патерналистская концепция Конфуция, который, уподобляя идеальное государственное устройство большой семье, а власть императора – власти главы семейства, трактовал самого императора как «сына Неба». Император как исполнитель воли Неба выступает заботливым отцом, а подданные являются его детьми, испытывающими к нему сыновнюю почтительность (сяо), значит, послушание. Исходя из этого, управление государством должно организовываться по аналогии с управлением семьей, т. е. на основе норм добродетелей, заботы старших о младших, преданности младших по отношению к старшим, постоянного стремления к самосовершенствованию. Основы государства Конфуций видел в моральном правлении и поддержании порядка в обществе. Только такое правление может служить примером для подданных, поддерживая воспитание добродетельных граждан, соблюдающих ритуалы и традиции, что гармонизирует общество.

В русской и белорусской политической истории государственности (Н. К. Михайловский, А. Волан и др.) также присутствовали патерналистские воззрения. В частности, они воплотились в вере широких слоев населения в «царя-батюшку», «отца народов», «отца родного», «бацьку» и т. п. А. Волан во главу всех добродетелей государя поставил справедливость, которая «сводится к тому, чтобы никто не терпел вреда, но, наоборот, тот, кто нуждается в помощи, быстро получал ее»¹. Величайшим достоинством государя должна быть щедрость, для чего «больше всего он должен проявлять свое милосердие и благосклонность по отношению к бедным и обиженным, нуждающимся в помощи, чтобы... облегчить нужду всех»². Для этого «государю весьма важно знать всякие науки», опираясь на которые он будет способен «вывести людей из их животного состояния на путь всяческой цивилизации»³. Аргументация А. Волана, с одной стороны, продемонстрировала позитивные аспекты патерналистского понимания государства – истоки формирования уважения к государственной власти. Однако, с другой стороны, она подчеркнула негативные аспекты взглядов, согласно которым активность государя противопоставлена пассивности его подданных.

В целом патриархальные и патерналистские концепции происхождения государства обосновывают тот факт, что люди – существа коллективные, стремящиеся к взаимному общению, что проистекает из сущности семьи. В связи с этим основой взглядов на государство в данных концепциях стали образно-метафорические представления о семье. В современном государственном мироустройстве сохранились и патриархальные, и патерналистские структуры, которые влекут как положительные, так и отрицательные следствия. В частности, патриархальные структуры находят отражение в государственно-правовых отношениях (например, использование фамилии мужа после вступления в брак, преимущественная роль женщины в воспитании детей, различия в судьбах детей после расторжения брака, заключенного между людьми разных национальностей). Неоднозначен патернализм, опасность которого в современных условиях вызвана закреплением пассивной гражданской позиции, в соответствии с которой ответственность за все происходящее возлагается гражданами на государство.

Договорные, или естественно-правовые, концепции объясняют возникновение государства в результате установления соглашения между людьми, используя в качестве доводов идеи естественно-го состояния и общественного договора (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж. Ж. Руссо, А. Н. Радищев). До образования

¹Волан А. О государе и его личных добродетелях // Анталогія філасофскай думкі Беларусі : дапаможнік. Т. 1 / склад.: А. А. Лягчылін [і інш.] ; пад рэд. А. А. Лягчыліна, А. Ю. Дудчыка. Мінск : БДУ, 2017. С. 73.

²Там же. С. 74–75.

³Там же. С. 71–72.

государства люди находятся в «естественном состоянии», при котором они обладают особыми (естественными) правами и свободами, но не имеют возможности их защитить. Для этого люди заключают соглашение, добровольно делегируя часть своих свобод и прав государству как органу, способному представлять их общие интересы и защищать оставшиеся права. Аргументация Т. Гоббса была обусловлена поиском выхода из состояния «войны всех против всех», аргументация Дж. Локка – решением проблемы защиты жизни, свободы и имущества граждан, аргументация Ж. Ж. Руссо – реализацией прав граждан. В целом договорные концепции стали истоком современных представлений, касающихся построения демократического и правового государств.

Органические теории основаны на концептуализации государства как организма. Концептуализацию следует отличать от метафорического антропоморфического уподобления государства живому организму. Еще Платон уподобил государство индивиду, умозаключив, что оно тем совершеннее, чем более подобно индивиду, а Аристотель сравнил государство с многоногим, многоруким и имеющим множество чувств человеком. В новоевропейской философии органические аналогии в экспликации сущности государства характерны для взглядов, например, Т. Гоббса, Б. Спинозы, Ж. Ж. Руссо. Т. Гоббс провел параллель между государством и человеком: государство «питается», его «организм» подпитывает циркуляция денег, оно имеет органы государственной власти, а также «детей» – колонии. Б. Спиноза уподобил государство живому организму, в котором люди, взаимодействуя и выполняя свои функции по аналогии с органическими клетками, образуют единое целое. В этом целом все подчинено естественным законам, которые не являются внешними, а внутренне присущи этому целому в силу его божественной природы. Таким образом, поскольку государство выступает частью природы, постольку оно подчинено ее естественным законам, а значит, его можно понять посредством анализа причинно-следственных связей. И если образование государства – это естественный процесс, то он остается за пределами теологических или моральных объяснений. Однако, в силу того что государство представляет собой сложный, но подчиненный определенным законам организм, его можно объяснить рационально.

Новоевропейские антропоморфизмы стали отголосками натурализма и были направлены на преодоление теологического подхода к объяснению происхождения государства (Ф. Аквинский, Ж. Маритэн), согласно которому оно является результатом божественного замысла. Однако теологические концепции государства, обусловленные ролью церкви в жизни

общества, остаются актуальными в современном мире (Ватикан, исламский мир). В них государство трактуется в качестве инструмента религиозной миссии, как средство для утверждения религиозных ценностей и принципов.

Концептуализация государства в органических теориях осуществлялась не по линии аналогического уподобления (*A как B*), а в атрибутивном фокусе (*A есть B*): государство есть организм. Однако в XVII–XVIII вв. организм отождествлялся с механизмом в соответствии с механистическим мирозерцанием. В механистической аргументации природа государства рассматривалась как результат человеческого ума и расчетливости, желания достичь какой-либо цели, что характерно для теорий общественного договора, которые выстраивались на основе концепций естественного происхождения государства и естественных человеческих прав. Такой подход в конце XVIII в. оценил А.-Л. Шлёцер в работе «Всеобщее государственное право» (1793): «Государство есть изобретение», которое придумали люди «для своего блага, подобно тому, как они придумали несгораемые кассы. Лучший способ построения науки о государстве – рассмотрение его как искусственной, чрезвычайно сложной машины, приспособленной к определенной цели»⁴.

Как уже отмечалось, концептуализация государства в органических теориях осуществлялась не по линии аналогического уподобления (*A как B*), а в атрибутивном фокусе (*A есть B*): государство есть организм. Органические теории развития государства вместо сознательной человеческой воли, направленной на его создание и свойственной механистическим концепциям, акцентировали внимание на бессознательных силах природы, остающихся вне этой воли, противопоставив развитию государства извне развитие изнутри. Государство, трактуемое как организм, обладает внутренней самопроизвольной силой естественно-необходимого развития, а значит, находит основание и причину своего бытия в самом себе, так как внешнее может составлять условие, но не причину его возникновения. Различия между организмом и механизмом были проведены в теории витализма (М.-Ф. К. Биша), философии И. Канта и Ф. В. Й. Шеллинга.

В XIX в. на смену субъективному рационализму XVIII в. пришел объективный историзм, обоснованный под влиянием Б. Спинозы Ф. В. Й. Шеллингом в двух его теориях – органической теории государства и исторической теории права (вместо теории естественного права), которые по своей сути тождественны. Государство в шеллинговой философии, утверждающей тождество духа и природы, мышления

⁴Цит. по: Гессен В. Органическая теория государства [Электронный ресурс] // Энцикл. слов. Т. 22. Опека – Оутсайдер / изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон ; под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. СПб. : Типолитограф. И. А. Ефрона, 1897. С. 96. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Органическая_теория_государства (дата обращения: 21.04.2025).

и бытия, трактуется как продукт свободного волеизъявления его граждан, направленного на создание правопорядка как необходимого условия для реализации свободы всех. Это означает, что иррационализм организменного подхода должен быть дополнен необходимостью духовных и волевых аспектов. По мнению Ф. В. Й. Шеллинга, жизнь обретает отчетливость и определенность лишь тогда, когда «иррациональное и случайное, которое в формировании существ, особенно органических, выступает в связи с необходимым, доказывает, что здесь действовала не просто геометрическая необходимость, но участвовали также свобода, дух и своеволие» [12, с. 122]. Отсюда вытекает, что натурфилософия как органическая часть трансцендентального идеализма должна быть дополнена исследованием развития самого Я, так как речь идет о переплетении свободной человеческой деятельности с исторической необходимостью, выражающей тенденцию движения общества к всемирно-гражданскому устройству. «Человек, хотя и свободен в отношении непосредственно своих поступков, – констатировал Ф. В. Й. Шеллинг, – но итог, к которому они приводят в пределах обозримости, зависит от необходимости, стоящей над действующим человеком и соучаствующей даже в развертывании самой его свободы» [13, с. 346]. На этом основании в рамках трансцендентального идеализма он трактует государство как продукт и проявление свободного волеизъявления, направленного на создание правового порядка, который составляет необходимое условие для осуществления свободы не для некоторых индивидуумов, а для всех.

Ф. В. Й. Шеллинг, преодолевая основной недостаток предшествующих теорий государства – осуществление определенной цели (например, мирное сосуществование свободных индивидов или достижение всеобщего благополучия), выступил против трактовки государства как средства для достижения этой цели, т. е. как чего-то условного и зависимого. Он противопоставил такому подходу абсолютную конструкцию государства как объективного (внешнего) организма свободы. Доводом послужил характер исторического процесса, заключающийся в гармонии необходимости и свободы: необходимое должно быть свободным, а свободное – необходимым.

Под непосредственным влиянием Ф. В. Й. Шеллинга Ю. Голуховский интерпретировал государство как «обширнейшую форму», которая объемлет «всю сферу человеческого существования», в том числе философию⁵. Поскольку государство включает в себя все категории человеческой жизни, постольку его целостность и сила предопределены господствующей в нем философией. Это означает, что вслед за Ф. В. Й. Шеллингом Ю. Голуховский противопоставил договорной концепции государства концепцию

общества как организма, имеющего определенную иерархию и неравенство частей. В соответствии с их доводами целесообразность государства как организма обусловлена объективным разумом, объемлющим два его абсолютных начала (две абсолютные потенции в терминологии Ф. В. Й. Шеллинга) – реальный и идеальный мир, природу и дух. Они не противоположны, а, напротив, тождественны и открыты объективному разуму для познания. Абсолютное начало проявляется как единое и неизменное в природе и в истории. Это означает, что они подчиняются необходимым и неизменным законам развития. Их различает лишь то, что природа является реальным выражением абсолютного начала, а история – его идеальным выражением. Непосредственно само абсолютное начало проявляется в форме высших обобщений, истинных не для одного, а для всех классов явлений и поэтому выступающих основаниями для объяснений.

Если в органической теории Шеллинга развитие – это процесс, в котором природа предшествует духу, или человеческому сознанию, стремящемуся к самопознанию, то в органической теории Спенсера развитие – это эволюционный процесс, в котором человек не выделяется в качестве отдельной цели [14]. Опираясь на теорию Дарвина, Г. Спенсер рассматривал государство как динамическую часть более широкого эволюционного процесса. Основная черта эволюции в общественном росте, по его мнению, проявляется «с двух ее сторон: интеграция проявляется и образованием большей массы, и увеличением связности этой массы вследствие сближения частей» [14, с. 289]. Исходя из этого, государство, как и все в природе, развивается по законам эволюции от простых однородных форм, например милитаристских, к сложным гетерогенным формам, например индустриальным, при которых начинают цениться индивидуальность и свобода. Основу такого развития Г. Спенсер связал с естественной борьбой за существование и выживание. В результате этой борьбы выживают наиболее приспособленные и сильные индивидуумы и общественные образования, которые, поглощая или подчиняя себе более слабых, усложняют структуру и организацию государства.

Г. Спенсер комбинировал методологический эволюционизм с принципами либерализма, отдавая приоритет индивидуальной свободе и ограничивая роль государства в общественной жизни, что, по его мнению, должно способствовать расширению свободной конкуренции и выживанию наиболее приспособленных, а значит, прогрессу и процветанию. Подобная комбинация была обусловлена стремлением оправдать либерализм, так как если общество развивается по законам эволюции,

⁵Голуховский Ю. Философия, относящаяся к жизни целых народов и каждого человека // Анталогія філософської думки Беларусі : дапаможнік. Т. 2, ч. 1 / склад.: А. А. Лягчылін [і інш.] ; пад рэд. А. А. Лягчыліна, А. Ю. Дудчыка. Мінск : БДУ, 2021. С. 115.

то вмешательство государства в данный процесс (например, через механизмы помощи нуждающимся или государственного регулирования) будет препятствовать естественному отбору и замедлять дальнейшее развитие. Свобода и конкуренция стали ключевыми факторами прогресса, поскольку позволяют наиболее приспособленным индивидуумам развиваться и вносить вклад в общее благосостояние. Однако таким способом оправдывалось социальное неравенство, поскольку «неприспособленные» индивидуумы заранее были обречены на неудачу в условиях жесткой конкуренции, но с учетом естественного закона развития. По этой причине подход Г. Спенсера критики, инициировавшие дебаты о роли государства и свободе личности, называли социал-дарвинистским, с чем он не соглашался. Критика социального дарвинизма Г. Спенсера была обусловлена неправомерным переносом биологического принципа естественного отбора и выживания на социум, ограничивавшим социальные процессы фактором приспособленности (адаптивности) индивида и оправдывавшим тем самым несправедливость и дискриминацию. Социал-дарвинизм использовался для оправдания расизма (объявление европейцев высшей расой), империализма (естественность колониальных порабощений), евгеники (антигуманные практики, например принудительная стерилизация).

Классовая теория, разработанная К. Марксом и Ф. Энгельсом, построена на признании экономических причин в качестве факторов образования государства – это прежде всего разделение труда, возникновение частной собственности, появление в обществе классов, обострение противоречий между ними [15–17]. Ф. Энгельс раскрыл государство как «продукт развития общества на известной ступени развития», отождествив его с силой, исходящей из этого общества, но «ставящей себя над ним» и «все более и более отчуждающей себя от него» [17, с. 170]. Если сила происходит из общества, значит, в нем возникают процессы, порождающие эту силу. Данные процессы связаны с общественным разделением труда. Из первого такого разделения «возникло первое крупное разделение общества на два класса – господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых» [17, с. 161]. Согласно аргументации Ф. Энгельса «государство есть признание того, что... общество запуталось в неразрешимом противоречии с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно». В связи с этим «стала необходимой сила», которая держала бы его «в границах “порядка”», нарушаемого непримиримыми противоположностями – «классами с противоречивыми экономическими интересами» [17, с. 170].

Важно подчеркнуть, что теория Маркса – Энгельса была направлена против буржуазно-либеральных

моделей представительного демократического государства и гражданского общества, в которых обосновывалась идея изменения сущности отношений между государством и обществом. К. Маркс и Ф. Энгельс выступили с критикой этих моделей. Они показали, что величайшей свободой считается «рабство гражданского общества», так как «оно кажется завершенной формой независимости индивидуума, который принимает необузданное, не связанное больше ни общими узами, ни человеком движение своих отчужденных жизненных элементов, как, например, собственности, промышленности... за свою собственную свободу» [15, с. 129–130]. В действительности «оно, наоборот, представляет собой завершенное рабство и полную противоположность человечности. На место привилегии здесь стало право» [15, с. 130].

Критика Ф. Энгельсом либеральных идей, связанных с переходом от монархии к демократической республике, была обусловлена иллюзорностью понятия «царство разума и свободы», согласно которому государственная власть не будет возвышаться над обществом. Теория государства Энгельса восходит к идеям Н. Макиавелли и Т. Гоббса, которые были развиты в теориях эпохи Просвещения. В рамках этих идей государство признавалось особой реальностью, возвышающейся над обществом. Как отмечал К. Шмитт, в соответствии с тенденциями нарастающего усиления государства эти теории требовали «легального деспотизма» и «диктатуры разума» [18]. Однако Французская буржуазная революция и события XIX в. лишь подтвердили особый статус государства в обществе, что проявилось в централизации и усилении государственной власти. Ф. Энгельс подчеркнул: «Люди воображают, что делают необыкновенно смелый шаг вперед», когда отказываются «от веры в наследственную монархию и становятся сторонниками демократической республики» [16, с. 200–201]. Однако «в действительности государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии» [16, с. 200–201].

Главными следствиями классовой концепции происхождения государства выступают следующие положения. Во-первых, государство является продуктом экономического развития общества, значит, не изначальным, а исторически обусловленным институтом. Во-вторых, государство служит интересам господствующего класса. В-третьих, ключевую роль в государстве играют частная собственность и антагонизм классов, из чего проистекают его инструментальные функции, связанные с защитой частной собственности и подавлением классовой борьбы.

В XIX – первой трети XX в. были актуализированы насильственные концепции происхождения государства (Л. Гумплович, Ф. Оппенгеймер, Е. Дюринг, К. Каутский). В истории государства и права первым

сторонником насильственной концепции происхождения государства следует признать Шан Яна, или Гунсунь Яна (390–338 гг. до н. э.), который отстаивал идею о сильной централизованной власти, основанной на законе. Его программа учреждения государства предусматривала лишение аристократии наследственных должностей. Для этого предусматривались ликвидация наследственных владений знати и введение системы административных уездов, насильственное разделение больших семей и введение круговой поруки. Политические преобразования сопровождались преобразованиями экономическими, согласно которым осуществлялось введение частной собственности на землю и разрешение ее продажи, поощрение земледелия на фоне ограничения ремесла и торговли. Следует подчеркнуть, что идеи Шан Яна оказали влияние на последующие процессы объединения разрозненных образований в Китае, в частности, на это указывают продолжившиеся реформы в царстве Цинь.

Насильственный характер программы Шан Яна проявился в ее направленности против «паразитической» деятельности, ослабляющей государственность (например, торговля, развлечения, изучение наук, музыка). Ее преодоление лежало в плоскости решения трех главных задач – централизации управления, роста производства зерна и укрепления военной мощи государства. Царство Цинь увеличивало собственную мощь, уменьшая человеческий потенциал соседних царств. Оно, например, привлекало колонистов из перенаселенных центральных царств на завоеванные земли путем предоставления льгот (освобождение от налогов на десять лет для освоения земли и строительства дома, освобождение от военной службы на три поколения вперед). Вертикальная мобильность в царстве Цинь стала возможной благодаря тому, что знатность перестала измеряться исключительно заслугами перед государством, а не происхождением. Однако согласно государственной доктрине Цинь для поддержания боеспособности армии она должна была участвовать в наступательной войне.

Фундамент европейских взглядов в обосновании насильственных концепций составили представления о возникновении государства как результата навязанной изнутри или извне силы (т. е. решающей роли военно-политического фактора), а не как результата естественного внутреннего экономического развития общества. Это означает, что насильственные концепции происхождения государства в качестве первичных условий общественного развития утверждают формы политических отношений, следствием, а не причиной которых являются экономические отношения. История подтверждает подобные концепции, так как завоевание одних народов другими в течение длительного времени являлось реальным фактором существования государственности (например, царство Цинь, римское

государство, древнегерманское государство, Золотая Орда). Однако наряду с общим взглядом имеются особенности.

В соответствии с теорией внешнего насилия Л. Гумпловича государственная власть возникает из физической силы: господство народа, основанное вначале только на физическом преобладании над другим народом, постепенно превращается в государство, опирающееся на экономическое могущество господствующего класса [19]. Основные положения данной теории обусловлены трактовкой завоевания (внешнего насилия) в качестве первоисточника и главного фактора государства в противовес, соответственно, мирному сосуществованию и социальному договору. В качестве довода Л. Гумплович апеллировал к истории, подчеркнув, что она не знает государств, образованных мирным путем. Однако история свидетельствует о стремлениях людей к расширению своего влияния и могущества, росту благополучия, что ведет к войнам и, как следствие, появлению государственного устройства, а также возникновению имущественного и социального расслоения населения.

Идею насильственного происхождения государства Л. Гумплович репрезентировал в социологическом контексте, обусловленном общественными трансформациями. В связи с этим развитие государства он интерпретировал как изменение формы конфликтных отношений между его социальными элементами, а смену форм правления в государстве связал с изменениями «отношений властвования его господствующих и подвластных элементов» [19, с. 4]. Согласно выводам Л. Гумпловича форма правления в любом государстве «переходит от “неограниченного” единовластия к “ограниченному” и завершается “представительным народовластием”» [19, с. 4].

Ф. Оппенгеймер (1864–1943) расширил понимание государства до социального института, возникшего в результате завоевания и подчинения, насилия и эксплуатации. Подобная идея восходит к идеологиям Д. Уинстенли (1609–1676) и А. Сен-Симона (1760–1825). Ф. Оппенгеймер подчеркнул: «При анализе природы “Государства” вопрос использования унифицированной терминологии... отходил на второй план», вследствие чего «исследователи подгоняли имеющиеся факты для обоснования мысли о том, что в силу действия закона непрерывного развития любое “Государство” со временем становится классовым обществом» [20, с. 64]. Обобщив большой эмпирический материал, он пришел к выводу, что государство в аспекте его происхождения «на начальных этапах своего существования является социальным институтом, насильно навязанным победившей группой людей» группе побежденных «с единственной целью – для утверждения» своего господства, «для защиты от восстаний изнутри», от «нападений извне». Цель такого господства заключается в «экономической

эксплуатации побежденных победителями» [20, с. 70]. Считая государство не нейтральным институтом, а инструментом господства, осуществляемого посредством юридических форм экономической эксплуатации, Ф. Оппенгеймер обосновывал необходимость его преодоления. Такой путь он видел в замене государства обществом, в котором каждому человеку будет обеспечена возможность стать собственником, что позволит создать социум, основанный на самоуправлении и свободных рыночных отношениях.

Согласно теории, предложенной Е. Дюрингом, фундаментальным принципом развития общества и первопричиной возникновения государства является внутреннее насилие, осуществляемое одной группой людей над другими. Следствиями насильственного подчинения становятся социальное неравенство и эксплуатация, частная собственность и классовое деление общества. Е. Дюринг в противовес марксистской политической экономии и диалектическому материализму связал движущую силу истории с насилием, а не с экономическим развитием общества, определяемым материально-производственными отношениями. В связи с этим в отличие от К. Маркса и его материалистического понимания истории он выступил не за революционный путь движения общества к социализму, а за постепенные преобразования, основанные на кооперации мелких производителей. Это должно сформировать общество, в котором исчезнет необходимость прибегать к силовым методам как способам решения проблем и в котором исчезнет государство в его традиционной форме. Ф. Энгельс в работе «Анти-Дюринг: переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» подверг критике идеалистическое толкование истории и отрицание роли экономических факторов в развитии общества [21].

В своей теории насилия Е. Дюринг подразумевает классовую и трудовую эксплуатацию. В дальнейших толкованиях, вплоть до современных, смысл эксплуатации изменяется в зависимости от контекста, однако ее сущность заключается в использовании людей, ресурсов или информации для достижения определенных целей, которые не всегда являются моральными или законными, поэтому данный феномен сопутствует государственности.

К. Каутский – апологет марксистской традиции – определял государство как принудительный аппарат, создаваемый победителями для управления побежденными, господствующим классом для подавления классов эксплуатируемых [22]. Если победителям государство обеспечивает использование выгод своего положения, то побежденным помогает избежать негативных последствий своих слабостей. Для господствующего класса государство является средством поддержания существующего порядка, т. е. инструментом эксплуатации, а для эксплуати-

руемых классов остается источником эксплуатации и сопровождающих ее отчуждения от результатов своего труда, притеснений и лишений, т. е. не предоставляет никаких благ. В отличие от марксистов К. Каутский был убежден, что классы появляются не до возникновения государства, а после. Вслед за Л. Гумпловичем и Ф. Оппенгеймером он оторвал исторические факты от целостного хода общественного процесса. «В действительной истории большую роль играют завоевание, порабощение, разбой – одним словом, насилие» [23, с. 726]. Однако это не означает, что они составляют движущую силу истории.

Примечательной в аспекте аргументации стала критика К. Каутским концепции, разработанной Ф. Ратцелем, который трактовал государство как живой организм, связанный с географической средой и территорией и зависимый от них. К. Каутский, оговаривая, что он не разделяет теорию государства Ратцеля, обращает внимание на два высказанных им условия образования государства в марксистском смысле. Ф. Ратцель, считая «государством каждую общину, располагающую определенной территорией», на этом основании видит «государственно-образующую потенцию кочевников... в их способности расширять» ее посредством завоеваний и насильственного удержания завоеванных областей [22, с. 217]. Однако он не увидел того, что «государственно-образующая сила отнюдь не свойственна кочевникам как таковым», ибо, если «кочевники остаются в своей среде, у них не обнаруживается этой способности, она проявляется лишь тогда, когда они сталкиваются с земледельцами», которые «одинаково необходимы для образования государства» [22, с. 217]. Напротив, «для основания государства недостаточно, чтобы какой-либо народ, состоящий из мирных, трудолюбивых и усердных крестьян, достигших известного уровня благосостояния, но... прикованных к своим земельным участкам, имел в качестве соседа бедное, воинственное племя, которое свободно рыскает вокруг, не любит тяжелой работы и предпочитает удовлетворять свои потребности путем грабежа» [22, с. 220]. Согласно выводам К. Каутского государство не может стать результатом таких контактов, более того, «периодическое ограбление крестьян» может лишь обезлюдить территорию [22, с. 220].

Признавая роль внешнего насилия в первоначальном формировании государства, К. Каутский интерпретировал его как продукт классового антагонизма и инструмент классового господства. Именно поэтому по мере исчезновения такого антагонизма и господства насилие перестанет быть отличительным признаком государства, так как вследствие развития общества оно может трансформироваться и эволюционировать в бесклассовую структуру, способную учесть интересы всех слоев населения. К. Каутский увязывал подобную трансформацию

государства с инструментом всеобщего блага (благоденствия) с использованием методов демократии в построении социализма, в частности внедрения парламентских институтов в отстаивании прав.

Особую роль в объяснении происхождения государства и выявлении факторов государственности сыграли психологические концепции. Они явились выражением взглядов, которые в одном ракурсе стали оппозиционными по отношению к антипсихологическим тенденциям в философии государства, а в другом – дополняли их. В качестве основы психологических моделей государства признаются не объективные факторы (например, насилие или классовая борьба), а факторы субъективные. Они проистекают из обусловленности возникновения государства свойствами человеческой психики, потребностью индивида жить в коллективе, его стремлением к поиску авторитета, указаниями которого можно было бы руководствоваться в повседневной жизни, а также желанием повелевать и подчиняться. Государство, согласно данным концепциям, – это продукт разрешения психологических противоречий между инициативными (активными) личностями, способными к принятию ответственных решений, и пассивной массой, способной лишь к подражательным действиям, исполняющим решения.

Ключевая проблема, решаемая в психологических концепциях, например, Н. М. Коркунова и Л. И. Петражицкого, связана с логико-семантическими отношениями между государством, с одной стороны, и правом и нравственностью – с другой. Семантика психологического концепта государства подразумевает логический анализ отношений права и нравственности, которые представляются парадоксальными, так как при раскрытии сущности права в связи с нравственностью ускользают специфические свойства права, но если акцентировать данные свойства, право теряет связь с нравственностью. Парадоксальность обусловлена нечеткими семантическими границами понятий моральности и легальности поведения человека, которые устанавливаются и переустраиваются самим человеком под влиянием социальной жизни в государстве.

В частности, для Н. М. Коркунова основой государства является субъективное представление самой личности о должном порядке общественных отношений, соответственно, государство – это не чья-либо воля, а сила, вытекающая из психических представлений граждан об их зависимости от государства. Он разработал концепцию правового государства, которое формируется на основе индивидуального сознания и является выражением представлений граждан о должном порядке. Исходя из этого, государство и его граждане находятся в отношениях взаимной ответственности, откуда проистекает психологизм данной концепции. Н. М. Коркунов негативно оценил представления Г. Спенсера

об обществе как организме, умозаключив, что природа общества и социальной жизни человека имеет психологический характер. В частности, он писал: «Органическое воззрение на общество, как не объясняющее всех особенностей явлений общественности, должно быть заменено психическим, признающим в идеалах отличительный фактор общественных агрегатов и ставящим явления общественности наряду с явлениями неорганического и органического мира, как третью самостоятельную группу явлений мира» (цит. по [24, с. 183]).

Н. М. Коркунов, исходя из психологической позиции, обосновал номиналистическую методологию изучения социальных явлений, включая государство. Согласно этой методологии не существует такой реальности, как общество. Оно сводимо лишь к взаимодействию его индивидов, поэтому «основанием всех особенностей явлений общественности мы признаем, – писал Н. М. Коркунов, – духовный характер связи, соединяющей людей в общество» (цит. по [24, с. 183]). Это означает, что общество и государство не имеют целостной структуры, обладающей собственными признаками и закономерностями. Их концепты только номинально обозначают совокупности составляющих их индивидов. Ф. Гуарино в данном аспекте отметил, что Н. М. Коркунов, обращаясь к понятию государства, «исходил из предпосылок, заложенных европейской, и прежде всего германской, традицией, но с совершенно иной методологической позицией, основанной на социологической матрице» [25, с. 24]. Подчеркнем, что методология антипсихологического реализма, в отличие от номинализма, признает общество и государство в качестве самостоятельных структур, обладающих собственными атрибутами и закономерностями.

Л. И. Петражицкий разработал концепцию государства на основе психологической теории права, так как был убежден, что право и государство вследствие их неотделимости от психики людей следует рассматривать как результат психологических процессов и взаимодействий [26]. Государство, не являясь чем-то внешним по отношению к психике людей, возникает из различий в их внутренних переживаниях и психологических установках, значит, оно возникает в результате разделения общества на тех, кто способен управлять, и тех, кто способен подчиняться. Аргументация Л. И. Петражицкого строилась на идее о взаимной обусловленности внутренних переживаний и поведения человека, зависимых от развитости волевой сферы и самоконтроля. В одном ракурсе эмоции, мотивы, ценности влияют на нравственный выбор и поступки, в другом – нравственное поведение формирует психическое состояние. По этой причине Л. И. Петражицкий включил нравственность в свою модель государства и права.

Психологические концепции государства открыли новую перспективу в изучении государственности, связанную с человеческой природой и государственным правом как защищенным интересом. Н. М. Коркунов акцентировал внимание на государственной защите интересов граждан. Поскольку главным содержанием общественной жизни он считал столкновение различных интересов (юридических, экономических, политических и др.), постольку право, устанавливаемое государством, должно обеспечить условия их сосуществования. Если нравственные системы, по мнению Н. М. Коркунова, выступают в роли «мерила для оценки наших интересов», то право должно устанавливать принципы «для разграничения интересов различных личностей» [27, с. 88]. Рассматривая юридическую природу государства, Н. М. Коркунов выступил против несостоятельного, по его мнению, понимания власти как единой воли, господствующей над подданными государства, которое восходит к средневековой схоластике. Для этого он заменил фактор активного властвования фактором властвования как необходимости сознания с пассивной стороны, т. е. со стороны подвластного народа. Противопоставив власти, интерпретируемой как воля, другую власть, интерпретируемую как сила, вытекающая из осознания людьми их зависимости от государства, Н. М. Коркунов признал в качестве механизма управления нравственное принуждение сознания подвластного народа к подчинению через указы и законы [28]. Близкие идеи высказал Л. И. Петражицкий, считая, что право не находится в социальной среде, а коренится в психике индивида, поэтому правовые нормы, санкционированные государством, необходимо рассматривать как средство воспитания и формирования нравственного поведения. Из этого вытекает, что в основе государства лежит право, существующее в сознании людей в форме психических переживаний и оказывающее авторитетное давление в пользу определенного поведения в гармоничном человеческом сообществе [27].

Существует ряд концепций происхождения государства, которые отличаются меньшей концептуальностью и большей метафоричностью. Однако, на наш взгляд, ими нельзя пренебрегать, так как данные концепции представляют интерес своими нестандартными взглядами, претендующими на теоретическое осмысление основ государственности вследствие неординарности идей и предложенных аргументов. В частности, М. Олсон и М. Макгир, опираясь на криминальную метафору, разработали теорию оседлого бандита. Они выдвинули идею, согласно которой государство создается бандитами, имеющими преимущества перед другими в организации насилия. Для ее обоснования М. Олсон выстроил следующую аргументацию [29]. В условиях анархии существует конкуренция между кочую-

щими бандитами, которые максимизируют изымаемые доходы у населения и монополизируют изъятия контролируемой территории. Основой благосостояния кочующих бандитов является не производительная деятельность, а перераспределение чужих ресурсов в свою пользу. Подобная ситуация обусловлена появлением в обществе индивидов или групп, обладающих преимуществами в применении силовых ресурсов, поэтому в результате указанной конкуренции возникают оседлые бандиты, которые, оптимизируя изымаемые у населения доходы, начинают созидать общественные блага, сберегать и инвестировать. Это создает условия для формирования государственного порядка, завершающего переход от анархии кочующих бандитов к государственному порядку правителя-автократ.

М. Макгир и М. Олсон различали два вида бандитов – бандита-гастролера (или кочующего) и оседлого (или стационарного) бандита. Представители первого вида стремятся быстрее извлечь максимальную выгоду, совершая набеги и забирая у населения все, что можно, чтобы усилить свою армию и грабить еще больше. Их не слишком интересует, выживут ограбленные или умрут от голода. Оседлые бандиты руководствуются другим мотивом: они собираются грабить долго и всерьез и поэтому заботятся о том, чтобы доход от подконтрольного им населения был постоянным. Так возникает государство.

М. Олсон посчитал приемлемой и наглядной «криминальную метафору» в объяснении поведения властей, исходя из того, что и государственная власть, и действия преступников строятся на насилии [30]. Свою теорию он иллюстрировал историей гражданской войны в Китае в 1920-х гг., когда значительную часть страны контролировали полевые командиры, объявлявшие себя повелителями захваченных территорий и облагавшие их тяжкими поборами. Лидеру одной из групп население выказывало явное предпочтение, так как он, закрепив свое присутствие на территории (став оседлым бандитом), защищал ее от нападков других вооруженных группировок (кочующих бандитов) [30].

Концепция «узкого коридора», разработанная Д. Аджемоглу и Дж. А. Робинсоном, метафорически обозначает, во-первых, пространство, в котором находятся сильное государство и активное общество, во-вторых, путь, ведущий к свободе. «Сильное государство необходимо, – утверждают авторы, – чтобы сдерживать насилие, следить за исполнением законов и предоставлять общественные услуги, которые позволяют рядовым гражданам делать свободный жизненный выбор и добиваться своих целей. Активное общество необходимо для сдерживания сильного государства и контроля над ним» [31, с. 12]. Но «узкий коридор», символизирующий путь к свободе, «зажат, с одной стороны, страхом перед деспотическим государством с его репрессиями и жестокостью,

а с другой – ужасом перед возникающим в отсутствие государства беззаконием, хаосом и анархией» [31, с. 13].

Критические вопросы, связанные с взаимодействием государства и общества, имеют двойственный характер, обуславливающий вызовы современного сложного мира. Ответы на них в одном ракурсе связаны с повышением ответственности со стороны государства, не превышающего своих полномочий и остающегося «под контролем общества», в другом – высвечивают проблему: «как заставить общество работать согласованно, не дать ему восстать против себя самого, не быть разорванным разногласиями»? [31, с. 13]. Таким образом, движение по «узкому коридору» – это сложный многогранный процесс, требующий непрерывной работы и поддержания равновесия, которое легко нарушить (например, между сильным государством и законностью, с одной стороны, и свободой граждан в представлениях толпы – с другой). Д. С. Соммер подчеркнул, что людям толпы мораль не присуща, так как у них нет собственного мышления, взгляда, способности различать хорошее и плохое [32, с. 26].

Концепция «узкого коридора», однако, как отметил Е. В. Балацкий, «игнорирует существующее во все времена геополитическое противостояние государств» [33, с. 191]. Он сослался на опыт постсоветских стран, который «убедительно показал, что после 1991 г. все они оказались под внешним управлением действующего гегемона – США – и оказались расходным материалом в борьбе более крупных игроков». Это означает, что «институциональное строительство в стране идет не в тепличных условиях, а под тяжелейшим гнетом со стороны геополитических соперников, цель которых состоит в создании помех на пути развития рассматриваемой страны. В таких обстоятельствах институты не просто создаются внутри страны, а еще и навязываются извне», что составляет «совсем другой политический процесс» [33, с. 191]. Следовательно, коридор, создаваемый глобализацией, не расширяется, как утверждают Д. Аджемоглу и Д. А. Робинсон, а сужается, что очень сильно ослабляет их каноническую аргументацию [33].

Немонотонный исторический процесс свидетельствует о трансформации образа государства, что не исключает важности выявленных его особенностей. В современном мире доминируют три концепции государства – демократического, правового и социального. Это разные модели организации общества, принимающие во внимание определенные аспекты взаимоотношений между государством и его гражданами. Каждая модель отличается своими основами, идеями (приоритетами), целями, признаками, однако как аспекты государственности они взаимосвязаны и дополняют друг друга. При этом важно учесть, что основа любого государства – это то,

на чем оно строится, или концептуальная платформа для реализации идеи, первоначально зафиксированной в концепциях происхождения государства. Идея – это то, что строится, или концептуальное выражение цели и смысла. Признаки государства – его отличительные особенности. Систематизируем эти аспекты государственности.

Основу демократического государства составляют народный суверенитет и участие граждан в управлении государством через выборы и другие формы прямого участия. Демократическая основа восходит к идее о принадлежности власти народу, который осуществляет ее непосредственно или через избранных представителей. В связи с этим цель демократического государства заключается в организации политического участия граждан в формировании власти, обеспечивая возможность для выражения воли народа. Признаками демократического государства являются суверенитет народа, верховенство закона, разделение властей, защита прав и свобод граждан, политический плюрализм, гражданское общество.

Основу правового государства составляет верховенство закона и права, которое восходит к идее создания системы, где закон является высшим и все, включая государство, подчиняются ему, а права и свободы граждан защищены. Отсюда цель правового государства – обеспечение законности и правопорядка, ограничение произвола власти. Признаками правового государства являются верховенство конституции, разделение властей, независимая судебная власть, соблюдение прав человека.

Основу социального государства составляют социальная справедливость, равенство возможностей и защита наиболее уязвимых слоев населения. Такой взгляд восходит к идее об ответственности государства за благополучие своих граждан и о его активном вмешательстве в экономическую и социальную сферы для обеспечения достойного уровня жизни. Следовательно, цель социального государства – сокращение социального неравенства, повышение уровня жизни граждан и обеспечение достойного существования. Признаками социального государства выступают социальные программы, системы социальной защиты, гарантии занятости, участие государства в решении социальных проблем.

В современном мире государства стремятся сочетать признаки трех типов государств, хотя, по-своему трактуя демократическую, правовую и социальную государственность, следуют историческим традициям в определениях народовластия, соблюдения прав человека и благополучия граждан. Например, демократическое государство может быть социальным, если в нем учитываются интересы различных слоев населения и обеспечивается их социальная защита. Социальное государство может быть правовым, если его программы по защите населения осуществляются в соответствии с законом и не нарушают

права граждан. Правовое государство может быть демократическим, если в нем обеспечивается участие граждан в формировании законов и контроле их соблюдении. Например, в Беларуси народовластие как опыт демократии реализуется посредством Всебелорусского народного собрания – высшего представительного органа, уходящего корнями к древнеславянскому вече. Оно определяет стратегические направления развития общества и государства, обеспечивает незыблемость конституционного строя, гражданское согласие и преемственность поколений. Первый такой форум состоялся 19–20 октября 1996 г., когда Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко впервые решил на самом высоком уровне посоветоваться с народом по важнейшим проблемам государственного строительства, определиться со стратегией и тактикой развития белорусского общества. Результатом этого события стало рождение новой демократической формы общественной жизни.

Белорусская модель государственности в контексте цивилизационной динамики обусловлена поиском выхода общества из «тупика» истории, так как образование Республики Беларусь стало ответом на развал СССР. Если судьбу цивилизации определяют ответы на вызовы истории, то судьбу белорусского государства – ответы на вызовы изнутри (например, обеспечение устойчивого роста, консолидация общества) и извне (обеспечение безопасности страны, защита национальных интересов, развитие торговых отношений, участие в международных органи-

зациях). Исходя из этого, особое значение в Беларуси обрела концепция социального государства как закономерного этапа развития государственных форм общественного устройства, определяемого в качестве высшей ступени цивилизации в сфере государственного строительства. Модель социального государства в Беларуси подразумевает реализацию идей гуманизма и защиту прав, свобод и законных интересов каждого человека, что закреплено на конституционном уровне.

Более чем тридцатилетний опыт белорусского государства подтверждает его состоятельность в разных аспектах. В аспекте преемственности исторического развития Беларусь опирается на богатую историю, включая наследие Великого княжества Литовского, Речи Посполитой и Российской империи, а также на опыт формирования белорусской государственности в XX в. В аспекте формирования национальной идеи в Беларуси сохраняется уважение к истории, культуре, традиции как гарантам поддержания белорусской идентичности. В аспекте суверенности и независимости она стремится к развитию и интеграции в мировое сообщество, сохраняя при этом свою уникальность и идентичность. В аспекте цивилизационного взаимодействия Беларусь вместе с Россией строит Союзное государство. В социально-экономическом аспекте она стремится к построению собственной модели развития, сочетающей элементы рыночной экономики и социальной справедливости с сохранением исторически сложившихся особенностей.

Заключение

Обобщая результаты проведенного исследования, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, философская идея государства как образа наиболее адекватного социального устройства, соответствующего природе жизнедеятельности индивидов в обществе, остается основополагающей константой суверенного объединения людей в процессе исторического развития. Однако идея государства видоизменялась, приобретая различные формы толкования и обоснования. Раскрытые модели цивилизационного развития подтверждают, что на длительном историческом пути познания общественного развития строились разные теории происхождения государства, явно или неявно отражавшие вызовы своего времени. Значимыми следует признать концепции, в которых выявлены патриархальные, патерналистские, договорные, органические, теологические, классовые, насильственные и психологические основы государства. Эти концепции отличаются факторами, которые обоснованы в качестве решающих обстоятельств, поспособствовавших образованию государства как лучшей формы организации общественного бытия или оказавших влияние на этот

процесс. В трактовках государства имеются онтологические различия, обусловленные реалистической и номиналистической аргументацией. Реалистические аргументы (патриархальные, патерналистские, органические, теологические, классовые, насильственные концепции) обосновывают значение целостности и силы государства для его граждан. Номиналистические аргументы (договорные и психологические концепции) обосновывают антрополого-правовые значения, связанные с восприятием индивидуумами социальной действительности и государства.

Во-вторых, аргументационный подход в философии государства и его специфические черты детерминированы уникальностью цивилизации, в пределах которой оно образуется и развивается. В разных цивилизациях идея государства принимала различные формы, но ее основная цель оставалась неизменной: организация общества и управление им для его выживания и развития. Категориально уникальность цивилизации опосредована рядом оппозиций (например, человек – семья, рабство – свобода, индивидуализм – коллективизм, конкуренция индивидов – гармоническое состояние общества,

естественное право – позитивное право, война – мирное сосуществование). Концепции происхождения государства задают теоретические рамки для понимания особенностей его развития в контексте цивилизационной динамики, так как прямо или косвенно данные концепции связаны с поиском выхода общества из «тупика» истории посредством поиска новых форм организации социальной жизни. Образование Республики Беларусь следует рассматривать в качестве убедительного примера выхода общества из такого «тупика» (развала СССР).

В-третьих, каждая концепция формирует свой образ государства как самоорганизующегося общества, нуждающегося в обеспечении безопасности и поддержании порядка. Следует принимать во внимание идею государства, которая в истории цивилизаций варьировалась из-за ее обусловленности особенностями бытия людей. Исходя из этого, нельзя рассматривать концепции происхождения государства через призму недооценки ими иных факторов, т. е. посредством критики. Более того, в аналитической аргументации следует избегать негативизма (чего в них нет) в пользу позитивизма (что в них есть). В частности, патриархальная концепция уподобляет государство семье или общинной жизни, подчеркивая социальный фактор в происхождении государства. Концепция общественного договора предполагает конвенцию, направленную на преодоление насилия. Напротив, насильственные концепции, выдвигая силу в качестве причины происхождения государства, оставили за рамками аргументации социальные и экономические факторы. Согласно органическим концепциям государство развивается изнутри благодаря самопроизвольной силе естественно-необходимого развития, которая проявляет себя независимо от человеческой свободы и воли.

В-четвертых, исчерпывающее объяснение происхождения государства невозможно. Поскольку этот процесс сложен и многогранен, постольку ци-

визационные модели государства в зависимости от решаемой проблемы могут быть редуцированы к взаимодействию различных факторов (социальных, экономических, культурных, политических, психологических и др.). Однако обязательными элементами этих моделей являются основы, идеи, цели и признаки демократического, правового и социального государств, так как именно их комбинацией определяется цивилизованное развитие общества в современном мире посредством государственной самоидентификации. Раскрывая данные характеристики, необходимо преодолевать их западоцентристский политический контекст. Государство как исторически саморазвивающаяся система формирует свои уровни организации, трансформируя связи и отношения между элементами предыдущих уровней с учетом решаемых проблем-вызовов. При этом человеческие действия включены в подобные трансформации: они корректируют и модифицируют возможные состояния уровней организации в государстве.

В-пятых, цивилизационная модель белорусского государства обусловлена его географическим нахождением между Европой и Россией, в европейской и славянской цивилизации, а также экономическим развитием в условиях аграрной, индустриальной и постиндустриальной цивилизаций. Цивилизация как целостность влияет на свои компоненты, которые, взаимодействуя, влияют на саму цивилизацию. Специфика белорусского государства как организующей силы общества обусловлена этим холизмом, поддерживающие факторы которого включают как внутренние, так и внешние геополитические условия развития. В геополитическом контексте перехода к многополярному миру перед государствами возникает дилемма: стать малоцивилизованной окраиной в рамках глобальной целостности с доминантным влиянием Запада или присоединиться к надгосударственным образованиям (экономическим, военнополитическим и др.) в роли равноправного субъекта (Союзное государство, ШОС, БРИКС и др.).

Библиографические ссылки

1. Тойнби А.Дж. *Постижение истории*. Москва: Академический проект; 2023. 798 с.
2. Воробьева СВ, Легчилин АА. Кросс-культурные основания тенденций цивилизационного развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;2:17–22. EDN: YSJLJR.
3. Стёпин ВС. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;3:6–11. EDN: YRXAMH.
4. Стёпин ВС. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция. *Вопросы философии*. 2012;5:18–25. EDN: OYYDXV.
5. Вебер М. *Избранные произведения*. Давыдов ЮН, составитель и редактор. Москва: Прогресс; 1990. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания; с. 345–415 (Социологическая мысль Запада).
6. Устьянцев ВБ. Пространство цивилизаций в контексте смены типов рациональности. *Философия и общество*. 2007;3:81–98. EDN: OAJAJV.
7. Гобозов ИА. Вопросы цивилизации на страницах французского журнала «Commentaire». *Философия и общество*. 1997;5:167–178. EDN: XETOVN.
8. Samoilenko D, Liahchilin A, Vorobieva S, Osinsky P. A geographical identity in the global world. *Young Science*. 2024; 12(1):1–12.
9. Аристотель. *Сочинения. Том 4*. Доватур АИ, Кессиди ФХ, редакторы; Брагинская НВ, Гаспарова МЛ, Жебелева СА, Миллер ТА, переводчики. Москва: Мысль; 1983. Политика; с. 375–644 (Философское наследие; том 90).

10. Платон. *Государство*. Егунов АН, переводчик. Санкт-Петербург: Наука; 2005. 572 с. (Слово о сущем; том 53).
11. Самигуллин ВК. Патриархальная теория происхождения государства и права. *Право и государственность*. 2023; 1:6–12. EDN: SIRXSC.
12. Шеллинг ФВЙ. *Сочинения. Том 2*. Гулыга АВ, составитель и редактор; Левина МИ, Михайлов АВ, переводчики. Москва: Мысль; 1989. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах; с. 86–158 (Философское наследие; том 108).
13. Шеллинг ФВЙ. *Система трансцендентального идеализма* [Интернет]. Колубовский ИЯ, переводчик. Ленинград: Соцэкгиз; 1936 [процитировано 1 мая 2025 г.]. XXII, 481 с. Доступно по: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/6347>.
14. Спенсер Г. *Синтетическая философия*. Мокиевский ПВ, переводчик; Кошис СД, редактор. Киев: Ника-центр; 1997. 512 с. (Познание; выпуск 2).
15. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 2*. 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании; с. 3–230.
16. Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции». В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 22*. 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1962. с. 189–201.
17. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 21*. 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1961. с. 23–178.
18. Шмитт К. *Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы*. Кори-нец ЮЮ, переводчик; Кузницын ДВ, редактор. Санкт-Петербург: Наука; 2005. 326 с. (Слово о сущем; том 56).
19. Гумплович Л. *Общее учение о государстве*. Неровецкий ИН, переводчик. Москва: Директ-медиа; 2014. 544 с.
20. Оппенгеймер Ф. *Государство: переосмысление*. Стихин А, Анкапов С, переводчики. Москва: Проект Rustate.org; 2020. 255 с.
21. Энгельс Ф. Анти-Дюринг: переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 20*. 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1961. с. 1–338.
22. Каутский К. Материалистическое понимание истории. Соцэкгиз, М. – Л., 1931. *Философия и общество*. 1997;3: 216–235. EDN: XCSMJF.
23. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Том 1. Книга 1, Процесс производства капитала. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 23*. 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1960. с. 41–784.
24. Савенков ДА. Психологические аргументы в теории права Н. М. Коркунова. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022;2:181–184. EDN: XKBOLB.
25. Гуарино Ф. Заметки о концепции государства Н. М. Коркунова. *Вестник РГГУ. Политология. История. Международные отношения*. 2023;1:24–31. EDN: LQVHDZ.
26. Петражицкий ЛИ. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Часть 1* [Интернет]. Москва: Юрайт; 2025 [процитировано 7 июля 2025 г.]. 237 с. (Антология мысли). Доступно по: <https://urait.ru/bcode/562407>.
27. Коркунов НМ. *Лекции по общей теории права*. Медушевский АН, составитель. Москва: Российская политическая энциклопедия (Росспэн); 2010. 520 с. (Библиотека отечественной общественной мысли).
28. Коркунов НМ. *Указ и закон*. Москва: Рипол классик; 2013. 422 с.
29. Бредихин АЛ. Криминальная теория происхождения государства: постановка гипотезы. *Философия права*. 2020; 1:174–178. EDN: IZIZOV.
30. Заостровцев АП. Мансур Олсон об автократии, демократии и развитии. В: Заостровцев АП, редактор. *Экономика и институты. Сборник статей на основе докладов IX ежегодной конференции из цикла «Леонтьевские чтения»; 12–13 февраля 2010 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр»; 2010. с. 129–155.
31. Аджемоглу Д, Робинсон ДжА. *Узкий коридор: государства, общества и судьба свободы*. Перфильев О, переводчик. Москва: АСТ; 2021. 704 с. (Цивилизация и цивилизации).
32. Соммэр ДС. *Мораль XXI века*. Москва: Кодекс; 2020. 480 с. (Практическая философия).
33. Балацкий ЕВ. Концепция «узкого коридора»: история и современность. *Мир России*. 2023;32(3):180–195. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-3-180-195.

Статья поступила в редколлегия 19.09.2025.
Received by editorial board 19.09.2025.